

DOI: 10.31857/S013038640005856-9

© 2019 г. **Н. В. КОРОВИЦЫНА**

ЧЕШСКИЙ ЧЕЛОВЕК: ПОРТРЕТ НА ФОНЕ СМЕНЫ СИСТЕМ

Коровицына Наталья Васильевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Европы РАН (Москва, Россия).

E-mail: korovitsyna@mail.ru

Аннотация. В статье раскрывается историко-культурная специфика чешской нации как малой нации без элит, с характерным эгалитаризмом и преобладанием социальных ориентаций над индивидуалистическими. Семья и нация являются ее фундаментальными ценностями. Чешский народ предпочитает реалистические цели и решает их благодаря трудолюбию и национальной солидарности. Для чешского человека характерно сочетание консерватизма и коллективизма, специфический «сельский рас-судок». Социализм в Чехословакии родился из устремлений большинства населения, для которого справедливость и равенство казались более нравственными, чем несправедливость и неравенство капитализма. Социалистическая Чехословакия никогда не рассматривалась как периферия социалистической системы, а служила цивилизационным эталоном. Чехия и Восточная Германия были единственными исключениями в социалистической системе как индустриальные и городские общества. Чешские земли прошли раннеиндустриальный этап общественного развития в третьей четверти XIX в. и повторили этот путь столетие спустя вместе с остальными странами Центральной и Юго-Восточной Европы. В период индустриализации 1950-х годов Чехия сыграла роль «локомотива» экономического подъема всей социалистической системы. А в 1960-е годы чешское общество перешло в общество массового потребления в особой — незападной — версии, когда свободное время более значимо, чем материальный уровень жизни. Здесь сформировался свой восточноевропейский тип демографического поведения с высокой брачностью, рождаемостью и разводимостью. Инициированная чехами Пражская весна явилась началом конца социалистической системы. Однако чехи последними в регионе отказались от этой системы, а именно их революция 1989 г. вошла в историю как «бархатная». И в 1968, и в 1989 гг. только 5% населения предпочитало капиталистический путь развития. Левые ценности в чешской среде определенно преобладают. Свою жизнь в современной Европе чехи оценивают не слишком позитивно. Материальный достаток для нынешних чехов важнее, даже чем здоровье. Три четверти граждан критикуют правительство, партии и политику.

Ключевые слова: чехи, чешский путь развития, национальный характер, эгалитаризм, социальная адаптация, советизация, вестернизация.

N. V. Korovitsyna

Czech man: portrait against a system change background

Natalia Korovitsyna, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: korovitsyna@mail.ru

Abstract. At the beginning of the article reveals historical and cultural specifics of Czech nation as small nation without elite, with characteristic egalitarian features and prevalence of social orientations over individualistic. Family and nation are its fundamental values. Czech people

prefer realistic aims and solve them thanks to diligence and national solidarity. A combination of conservatism and collectivism, a specific “village mentality” are characteristic of the “Czech”. Socialism in Czechoslovakia was born from aspirations of majority of people, for which justice and equality seemed more moral than injustice and inequality of capitalism. Socialist Czechoslovakia was never regarded as periphery of socialist system, but as civilizational standard, went in the vanguard of modernization processes. Czechia and Eastern Germany were the only exception in social system as industrial and urban societies. Czech lands passed early-industrial stage of societal development at the third quarter of 19th century and repeated this stage century later together with the rest countries of Central and South-East Europe. At a period of industrialization of 1950s Czechia played a role of “locomotive” of economic rise of all socialist system. At 1960s Czech society transformed into society of mass consumption at special – nonwestern – version, when free time is more important than material level of life. Here formed special East-European type of demographic behavior with high marriage, birth and divorce rates. Initiated by Czechs Prague spring became beginning of socialist system end. But Czechs were the last in the region to reject from this system, their revolution of 1989 entered into history as “velvet”. No contradiction in it. Both in 1968 and 1989 only 5% of population preferred capitalist way of development. Left values in Czech environment for sure predominate. Their life in contemporary Europe Czechs estimate not very positively. Material prosperity for today Czechs even more important than health. 3/4 of citizens criticize government, parties and policy.

Keywords: Czechs, Czech way of development, national character, egalitarianism, social adaptation, sovietization, westernization.

СПЕЦИФИКА «ЧЕШСКОСТИ»

До того, как Чехословакия возникла как самостоятельное государство в 1918 г., образ чешской нации конструировался преимущественно в этнокультурных категориях. «300 лет мы терпели», — говорят чехи, у которых после утраты национальной независимости в 1620 г. и последующей насильственной рекатолизации протестантского населения выработалась стратегия выживания по принципу «против всех». Чешская идентичность формировалась на основе множественности территориальных и государственных образований, в которых жили чехи, — Австрии, Австро-Венгрии, Чехословакии. Менялись границы и формы правления, отсутствовали национальные элиты. Со времени национального возрождения развивались прежде всего чешский язык и лингвистика, историография, этнография, изобразительное искусство и литературная критика. Общественную функцию национальных элит взял на себя «маленький чешский человек», жизненный мир которого ограничен ближайшим окружением, недоверчивый ко всему, что лежит за пределами этого мира. Подобный тип личности впоследствии нашел проявление в идеологии «швейкизма». Она означает традиционную склонность оставаться в стороне, в кругу своих родных и близких, «заниматься своим делом», «самому о себе заботиться», «быть как все», «сильно не рисковать», «не выходить за рамки», что ведет к низкой общественной активности и явлению «гражданской лениности»¹.

Денационализация высших слоев общества привела к необходимости ведения длительной борьбы за самосохранение в условиях неполной социальной структуры (без высших слоев), или «стратификационной неуровновешенности». Тогда же сформировались глубокие исторические корни характерного для этого народа эгалитаризма, эгалитарной этики, а также преобладания социальных ориентаций над индивидуалистическими, когда существование отдельного человека подчинено процессам

¹ Tuček M. a kol. *Dynamika české společnosti a osudy lidí na přelomy tisíciletí*. Praha, 2003, s. 384. См. также: Коровицына Н. В. Самая «бархатная» революция: «чешский человек» на фоне общественных перемен. — *Славяноведение*, 2000, № 3; Holý L. *Malý český člověk a velký český národ. Národní identita a postkomunistická transformace společnosti*. Praha, 2001.

выживания и развития всего социума. В трудные, кризисные, переломные периоды национальной истории чешский человек превращается в ничем не выдающегося обывателя и конформиста. Однако образ этот обманчив.

Чешский народ пережил неблагоприятные периоды своей истории благодаря народной культуре, приоритету коллективной идентичности над индивидуальной. Метафора «Чешские дети» означает: у каждого чеха две матери, его вторая мать — Родина. Личная идентичность производна от принадлежности к семье, в том числе и «большой семье» — национальной, к государству — защитнику национальных интересов. В целом для восточноевропейской действительности характерно, что именно в семье, в неформальном кругу на протяжении столетий закладывались основы культуры и формировался «дух» проживающих здесь народов. Семья и нация остаются не только для чехов, но и других народов региона между Востоком и Западом независимо от уровня цивилизационного развития, от экономики или политики фундаментальными ценностями. Эти две межпоколенческие общности на протяжении всей истории данной группы народов дают им ощущение идентичности.

По мнению чешского этнолога и антрополога Л. Голы, национальная идентичность для чехов является базовой коллективной идентичностью и превосходит по значению все остальные ее виды. Это идентичность естественная. Но в отличие от менее ярко выраженной польской, чешская идентичность в определенном смысле закрытая, она связана с территорией страны: лишь те, кто проживают здесь и говорят по-чешски, считаются полноценными чехами; необходимо непосредственное участие человека в культурной и политической жизни своего народа. «Самодостаточность» позволила чехам пережить и даже извлечь пользу из того отрезка своей истории, когда они оказались практически изолированными от западноевропейской цивилизации, с которой они были связаны больше, чем остальные народы региона.

Высокий уровень культуры и образования чешской нации сочетается с дефицитом широты мировоззрения и устремленности к идеалам. Чехи всегда достигали своих целей не с помощью революций, насильственных действий, а посредством кропотливого квалифицированного труда — «не кровью, а трудом», — который лежит в основе их гуманизма и демократизма, как и представлений о социальном равенстве и справедливости. Ставя перед собой реалистические цели, чешский народ решает их благодаря трудолюбию и национальной солидарности. Позитивный образ чешской нации сочетается в ее собственном сознании с негативным образом отдельно взятого чеха. Его приспособляемость к сменяющимся политическим режимам, как и стремление заявлять о себе миру конкретными делами, сформирована всей историей этой «недворянской» нации. В период социализма («госсосоциализма») ярко проявились такие черты чешского характера, как ценностный релятивизм, расчет на патерналистскую функцию государства, глубоко укорененные в национальном сознании².

Ментальная культура чехов сформировалась ко второй половине XX в. как городская и в сильной мере атеистическая. Чешские земли опережали другие, пошедшие по пути социалистической модернизации страны по уровню индустриализации и урбанизации, важнейшие этапы которых были пройдены здесь не в годы первых пятилеток, а на полвека — век раньше. Длительное же отсутствие национальной независимости в рамках Габсбургской империи, как и собственного дворянства, способствовали формированию специфической приспособляемости чехов к изменяющимся политическим режимам, с одной стороны, и их эгалитарных наклонностей — с другой. Терпимость явилась универсальной ценностью чешской нации, заявляющей о себе миру не столько словами, сколько делами. К особенностям чешской ментальной культуры можно отнести также своеобразный предпринимательский дух, независимый,

² Vize rozvoje České Republiky do roku 2015. Praha, 2001, s. 122–123.

саморегулирующийся стиль жизни и мировосприятия, склонность ориентироваться преимущественно на прагматические цели³. Чехия дала образец наиболее последовательного перехода к обществу массового потребления в условиях социалистической системы. Расцвет частной, семейной сферы жизни стал важнейшим фактором стабильности коммунистического режима в странах региона в 1970-е годы. Особенно отчетливо это проявилось в условиях чешской «нормализации».

Примечательно, что протестная энергия, накопившаяся в чешском обществе к концу 1960-х годов, самим коммунистическим режимом была канализирована в семейную сферу. В два десятилетия, предшествовавшие демократической революции 1989 г., получает развитие стратегия выживания чешского человека, основанная на расцвете института семьи, точнее семейного клана, путем оживления его традиционных функций самообеспечения и самодостаточности. В семье происходило и формирование гражданской позиции личности, ее частичная реализация. Относительно независимая и автономная от государства, внутренне солидарная система, семья являлась хранительницей и надежным инструментом передачи ценностей национальной культуры из поколения в поколение. Институт семьи как практически единственная альтернатива официозу реального социализма окреп и усилился после завершения массовых социальных перемещений периода форсированной индустриализации, приобретшей в Чехии характер реиндустриализации.

Все эти качества не только сохранились, но и получили свое развитие и полное выражение в условиях осуществления социалистической, или консервативной, модернизации, когда Чехия — в отличие, например, от Польши — оказалась практически изолированной от западного мира. И сейчас социологи обращают внимание на более низкую, чем у тех же поляков, потенциальную пространственную мобильность чехов. Среди них доля никогда не изменявших своего места жительства существенно выше, а желание выехать за границу, напротив, — ниже по сравнению с поляками⁴. Чехи предпочитают отечественные телепрограммы иностранным, среди них особенно много негативно оценивающих иммиграцию в их страну. Чешское общество — во всяком случае по сравнению с польским — в культурном отношении довольно закрытое. Оно характеризуется исследователями, вопреки распространенным взглядам, как традиционное и протекционистское⁵. Для чешского человека характерно неизменное, стабильное во времени, особое сочетание консерватизма и коллективизма, специфический «сельский рассудок»⁶.

Надо заметить, что если прагматизм и политический конформизм чехов еще находили место в интерпретации их социально-политического облика, эгалитарные и выраженные патриотические наклонности чешской нации — вплоть до ее стремления к изоляционизму — явились во многом открытием последних лет. В событиях, сопровождавших «бархатную» революцию, все эти качества раскрылись достаточно полно. Последовавшая за этой революцией либеральная модернизация, угрожавшая национальному своеобразию народов региона, обнажила глубинные черты их национального характера. 1989 год стал тем переломным моментом, который высветил реальные контуры чешского менталитета. Последующие расслоение общества и политика вестернизации, вытеснявшие национально-культурные ценности на периферию

³ Bayer I., Kabele J. Politische kultur der Tschechischen Republik und ihre transformation. Köln, 1996, S. 30.

⁴ Stulík D. Public perception of European integration in Poland and the Czech Republic: a comparative analysis. — Post-communist transformations. A new generation of perspectives. Warszawa, 1998, p. 163–164.

⁵ Nedomová A., Kostelecký T. Narodní identita. Praha, 1996, s. 36.

⁶ Contemporary Czech society. Praha, 2016, s. 317.

общественного сознания, не соответствовали чешскому духу, склонному к социальному равенству и национальной самобытности, если не замкнутости. Напротив, эгалитарным чехам был близок социализм, при котором пространство между богатством и бедностью по уровню заработков было одним из самых минимальных в мире⁷. В начале 1990-х экономическое неравенство стало возобновляться впервые после 1948 г.

Время покажет, насколько органичным был переход от социализма к капитализму для самой западной — не только в географическом смысле — из славянских наций культуры. В ее сохранении и трансляции из поколения в поколение незаменимую роль всегда играл институт семьи — важнейший инструмент социальной адаптации чешского человека. Брненский социолог И. Можны считает отличительными чертами чешского человека бдительность и осторожность. Он пишет о чехах как об очень «недоверчивой популяции», которая свои судьбы с давних времен прочно держит в собственных руках.

Особенности чешского пути развития предопределяет то обстоятельство, что чешская нация принадлежит к числу «старых». Это «оазис» не столько ускоренных общественных изменений (как проповедовали в 1990-е годы российские идеологи либерализма), сколько стабильности, приверженности консервативным ценностям. Впрочем, в той или иной степени подобная ориентация характерна и для остальных народов региона, расположенного между европейским Западом и Востоком, независимо от уровней их цивилизационного развития. Однако присущая именно чешской культуре, на первый взгляд противоречивая, совокупность ценностей и норм позволяет этому народу не только успешно адаптироваться к быстро изменяющейся действительности современного мира, но и сопротивляться нежелательным новациям, сохраняя стержень своей идентичности как основу национального выживания и процветания. Эффективность чешского сопротивления многократно подтверждена историей. Это сопротивление, проявившееся в годы Второй мировой войны (тогда погибло 22% польского населения, но всего 1,5% чешского)⁸ или в период «общественной нормализации» после событий 1968 г., — неявное, больше похожее на адаптацию. Речь идет об особом социокультурном феномене.

Значительный отпечаток на «чешскость» накладывает положение страны на перекрестке политических, религиозных, культурных течений европейского континента. Чехия первой воспринимает все новые передовые веяния, которые нередко именно здесь и зарождаются. Чешский и в целом европейский «авангард модернизма» как культурного течения 1920-х годов в сильной мере отождествлял себя с коммунистической идеологией, подразумевая под ней теорию, ориентированную на просвещение, прогресс, рационализм. Социалистические ориентации чешского народа родились из традиционного стремления большинства его к справедливости и равенству во благо «простого человека». Чехи в то же время последовательно выступали и в роли лидера исторических перемен в восточной части Европы демократической направленности. Они никогда не воспринимали свою страну как западную или восточную, идентифицируя ее как центральноевропейскую, расположенную между Востоком и Западом, германским и славянским миром.

Хотя чехи не склонны отождествлять себя с восточноевропейцами, принадлежность к славянству для их преобладающего большинства, по опросным данным, является ныне бесспорной. Люди считают, что их роднит со славянами помимо похожего языка общий менталитет и традиции. В Чехии говорят: «Если посмотреть чуть южнее или на Америку, то это совсем другое, другое мышление». Очень близкой остальным славянским культурам считают чешскую культуру свыше трети и скорее близкой еще более половины чехов. В общей сложности около 90% населения говорят об этой

⁷ Ibid., s. 34.

⁸ *Medvec S. E.* Poland and Czechoslovakia. — *The Polish review*, 1991, № 4.

близости независимо от социально-демографических параметров, образования и политической ориентации, и это является, по утверждению социологов, неоспоримым фактом⁹. Факторы языкового родства, в меньшей степени географического положения, отчасти общей истории оказались, в конечном счете, первостепенными.

При этом чешская нация остается «относительно замкнутым, традиционалистским и консервативным, национально гомогенным сообществом, идентичность которого историей конституирована и апробирована»¹⁰. Чувства национальной и государственной принадлежности для чеха, как правило, неразделимы. Свою национальную гордость чехи стремятся проявлять через культуру, а не самобытное государство, на протяжении длительного периода истории оно у них отсутствовало. К представителю чешской нации нередко применяют понятие «маленький чешский человек», подразумевая его слабую мотивацию грандиозными идеалами и широкомасштабными проектами. Жизненный мир этого человека ограничен семьей, работой, самыми близкими. Ко всему, что находится за пределами этого мира, к разного рода новшествам чешский человек относится с большой долей скептицизма, острожно и недоверчиво, избегая рискованных ситуаций. Стремления его на первый взгляд приземленные, он явно не романтический герой. Явление «швейкизма» отражает сущность чешского человека, его здравый рассудок и способность к пассивному, но последовательному, решительному сопротивлению, предопределившему ряд поворотов восточноевропейского исторического процесса до и после 1989 г.

ОТ СОВЕТИЗАЦИИ К ВЕСТЕРНИЗАЦИИ

«Советский» период впервые в истории отношений России и Чехии связал воедино судьбы двух народов, сформировав общие ценности нескольких поколений. Ключевой вопрос современной истории наших стран — роль и значение отдельных народов в уникальной «советской цивилизации», процессах ее формирования, расцвета и крушения. Это интересно с точки зрения анализа как общей модели развития восточноевропейского региона во второй половине XX в., так и своеобразия национальных путей развития, национальной идентичности. Надо заметить, как со второй половины 1950-х годов, так и с середины 1990-х, после периодов революционных преобразований начиналось восстановление национального и религиозного своеобразия в Восточной Европе. Процессы адаптации к заимствованным образцам неизбежно сменялись процессами адаптации этих образцов к специфике национальных путей развития.

«В Чехословакии социализм не был принесен в конце Второй мировой войны на штыках Советской Армии, а родился из устремлений большинства населения, для которого справедливость и равенство, обещанные им, представлялись в этическом отношении более нравственными, чем несправедливость и неравенство капитализма». Так пишет в книге «Маленький чешский человек и великая чешская нация» Ладислав Голы, эмигрировавший из страны после событий 1968 г.¹¹ Массовая — четверо из десяти чехов — поддержка компартии на выборах в Законодательное национальное собрание 1946 г. свидетельствовала о том, что социалистические принципы общественного устройства предпочитало большинство чешского населения. Что не было характерно в то время для менее экономически и демократически развитой Словакии. Позднее социолог Д. Кунштат вторит этой мысли: «Коммунистические идеи не были чешскому обществу имплантированы с варварского Востока, но являются мощной составной

⁹ Historické vědomí obyvatel České republiky perspektivou sociologického výzkumu. Praha, 2014, s. 187.

¹⁰ Nedomová A., Kostelecký T. Op. cit., s. 35.

¹¹ Holý L. Op. cit.

частью одной отечественной традиции». И далее он утверждает, что коммунистический режим нельзя с этой точки зрения считать завершенным и преодоленным эпизодом в современной чешской и чехословацкой истории, наоборот, много свидетельств того, что этот период не обрушился, а продолжает после своего мнимого конца сохранять связь с чешской современностью¹².

В Конституции 1960 г. Чехословакия декларировала завершение создания социалистического государства «второй в истории после Советского Союза». Важнейшим элементом идеологии всех бывших соцстран было социальное равенство, однако в Чехословакии оно реализовалось более последовательно, чем где бы то ни было. Дело даже не только в самих социально-политических склонностях чешского общества, его интеллектуальной элиты, а в их постоянстве, определенности, в способности к сохранению национальной идентичности и стабильности жизненных ориентиров — вопреки обстоятельствам, мнимой парадоксальности культуры и характера этого народа. Человеческий — гражданский и профессиональный — капитал составляет главный «ресурс» национального развития Чехии, что особенно отчетливо проявляется на «перекрестках истории» страны.

Чехословакия, Чешские земли, оставаясь западным форпостом восточного блока, никогда не рассматривались в качестве его периферии. Скорее наоборот, Чехия служила своего рода цивилизационным эталоном, шла в авангарде процессов модернизации — для восточноевропейских стран традиционно имевшей характер догоняющего Запад развития. Чешская культура по праву считалась в Восточной Европе самой западной, а чехи, как упоминалось выше, — самыми западными славянами. В полуаграрном, преимущественно сельском, крестьянском на начальном этапе строительства социализма регионе только Чехия и Восточная Германия составляли исключение, демонстрируя на фоне других своего рода девиантный, «отклоняющийся» случай высокоразвитых — городских и индустриальных — общественных систем. Этот факт никогда не вызывал сомнений у отечественных историков и социологов.

Конструкция идентичности каждого из народов, прошедших основные этапы преобразований середины и конца XX в., предопределяет несомненные особенности этого их пути, детерминированные процессами адаптации к «новой реальности» и сопротивления ей — т.е. сначала коммунистическому, а потом либерально-демократическому режимам. Опыт чехов свидетельствует: в конечном счете, именно о способности к адаптации к переменам без потери внутренней сущности, от которой зависит благополучие — не только материальное — отдельных народов, их прошлое и будущее. Чешский фольклор 1970-х годов повествовал о шести чудесах, точно характеризующих способ массовой адаптации, больше похожей на пассивное сопротивление. Все принадлежит к числу занятых, но никто не работает. Никто не работает, но план выполняют на 100%. План выполняется на 100%, но в магазинах пусто. В магазинах пусто, но у людей все есть. У людей все есть, но режим ругают с утра до вечера. Режим ругают, но на выборах голосуют стопроцентно «за». По показателю жизненной удовлетворенности, рассчитанному западными специалистами, в 1967 г. чехи были довольны своим существованием (материальным уровнем жизни и ожиданиями) или счастливы, почти ровно как спустя полвека в 2014 г. при свободной рыночной экономике и многопартийной системе¹³. Минимальная удовлетворенность наблюдалась лишь сразу после падения социализма. Что касается соседней Словакии, ее уровень удовлетворенности за 1967 г. был максимальным за весь период наблюдений.

Чешский путь развития периода 1948–1989 гг. далеко неоднозначен с точки зрения «потерь» и «приобретений». Внешние, количественные показатели явно недостаточны

¹² Kunšát D. Za rudou oponou. Komunisté a jejich voliči po roce 1989. Praha, 2013, s. 300, 303.

¹³ Contemporary Czech society, p. 124.

для оценки степени «успешности» этого пути, имея в виду совершенно определенное обстоятельство, а именно — соответствие этого пути традиционным «быту и нравам» чешского народа. Действительно, на старте социалистической модернизации Чехия по набору цивилизационных параметров существенно отличалась от других стран региона Центральной и Юго-Восточной Европы (ЦЮВЕ), образовавших после Второй мировой войны социалистический блок. Пройдя раннеиндустриальный этап общественного развития в третьей четверти XIX в. Чешские земли повторили этот путь столетие спустя вместе с остальными странами ЦЮВЕ. По структуре занятости, соотношению городского и сельского населения, типу естественного воспроизводства, уровню образования чешское население превосходило тогда остальные страны региона. В условиях политики «выравнивания уровней» соседние, менее развитые (если руководствоваться так называемой исторической линейкой, или схемой) страны по темпам развития опережали чешскую нацию. Соцмодернизация обернулась для нее по формальным индикаторам во многом повторением пройденного, возвратным типом цивилизационной динамики. Это касалось процессов индустриализации, которые прошли здесь столетие назад, как и процессов смены типа демографического воспроизводства с близкого к западноевропейским параметрам в межвоенный период на восточноевропейский в первое послевоенное десятилетие.

В период индустриализации 1950-х годов именно Чехия сыграла роль «локомотива» экономического подъема всего соцсодружества. Ее металлургические и машиностроительные предприятия стали «кузницей социализма», где создавался промышленный потенциал мировой социалистической системы. Наверное, это тоже был своего рода исторический шанс для чешской нации. А когда в 1960-е годы «промышленный век» стал клониться к закату в глобальном масштабе, чешское общество незаметно перешло к обществу массового потребления в его своеобразной — незападной версии, когда свободное время, его социальный и культурный потенциал более значимы, чем материальный уровень жизни.

Одновременно Запад вступил в эпоху так называемого второго демографического перехода с характерным повышением брачного возраста, снижением рождаемости, увеличением процента детей, рожденных вне брака, эмансипацией женщины и распадом традиционного института семьи. В Чехии же все было наоборот. В условиях «нормализации» с начала 1970-х годов демографические показатели имели противоположную «передовому Западу» динамику: доля лиц, вступающих в брак, достигла максимальных значений. Рост рождаемости опередил другие страны региона. Браки заключались в более раннем возрасте, чем в довоенный период. И все на фоне практически всеобщей предельно высокой женской занятости. Это и составляло специфику типа демографического поведения, укоренившегося в условиях «домашнего» социализма, или его «развитой» фазы. Для малой нации, традиционно скрепляемой узами родственных, дружеских, неформальных связей, это был особый период ее истории. Такого рода связи и служили главной формой оппозиции коммунистическому режиму, власти. После демографической революции 1990-х годов, последовавшей за революцией демократической, когда Чехия вместе с остальными странами региона пережила резкий спад воспроизводственных показателей, а проблема депопуляции и старения населения выдвинулась на передний план, нельзя однозначно отвергать предшествующие времена и их нравы. Трудно в таком случае сделать однозначный выбор между «свободой и безопасностью».

Общество восточноевропейского типа во второй половине XX в. сформировало собственный способ демографического воспроизводства, отличный от западноевропейского. Он подразумевал определенный набор базовых взглядов — на семью, брак, отношения мужчины и женщины. Именно демографическая идентичность стран социалистической системы — в не меньшей степени, чем политическая, — создавала

единство этого географического пространства, моральных норм и стиля жизни его населения. Чешский демограф Я. Кучера назвал данный тип демографического поведения восточноевропейским.

Другая важная черта восточноевропейского развития связана с процессами массового роста уровня образования, формирования многочисленной интеллигенции в ходе небывалой по интенсивности социальной мобильности населения. Именно быстро формировавшийся образованный класс — интеллигенция, служащие, квалифицированные рабочие — составлял социальную основу протестных движений в Восточной Европе второй половины XX в. Пражская весна 1968 г. явилась первым выступлением образованных, или новых средних слоев, которые заявили о себе в наиболее «просвещенной» части системы социализма. Не что иное, как несоответствие возросшего уровня образования материальному положению и положению во власти на протяжении всего существования системы социализма служило главной причиной ее кризисных состояний. Чехи особенно внимательно и щепетильно отнеслись к этому несоответствию, характерному для периода социализма: в ЧССР оно оказалось к тому же наиболее выраженным. Социально-политическое восхождение восточноевропейской интеллигенции началось в преддверии Пражской весны и завершилось в 1980–1981 гг., во время польской революции «Солидарности». Массовая основа этой революции стала гораздо шире, чем в 1968 г., включая многочисленные слои теперь уже второго поколения образованного класса.

Инициированная чехами Пражская весна явилась началом конца соцсистемы. Однако чехи последними в регионе отказались от этой системы, а их революция 1989 г. вошла в историю как «бархатная». И здесь нет противоречия. В обоих случаях ориентации людей оставались неизменными. На пике и реформаторского движения в 1968 г., и революции 1989 г. отдавали приоритет капиталистическому пути развития не более 3–5% населения¹⁴. В июле 1968 г. только 5% опрошенных отвечали положительно на вопрос «хотели бы вы возвращения капитализма?»¹⁵, на следующем перекрестке истории страны в период революционных перемен ноября–декабря 1989 г. всего лишь 3% предпочитали капиталистический путь развития, тогда как 41% — социалистический и еще 52% — нечто среднее между ними, соединяющее преимущества двух систем. Причем коммунисты и беспартийные мало различались по своим взглядам¹⁶.

Хотя лишь несколько процентов опрошенных в 1993 г. предпочитали дореволюционную модель развития, в обществе продолжали преобладать соответствовавшие этой модели традиционные, глубоко укорененные и усиленные периодом социализма уравнивательные предпочтения¹⁷. При сохранявшейся со времен коммунистического режима слабой дифференциации оплаты труда и доходов 19% опрошенных все же высказывалось в пользу необходимости роста неравенства в доходах; уже к 1995 г. доля этой группы людей сократилась до (тех же!) 5%¹⁸. Кроме того, 80% населения уже в 1992 г. (когда около миллиона людей стали владельцами лицензий на ведение предпринимательской деятельности) считало нечестными существующие способы обогащения¹⁹. Постепенно вызревали и дифференцировались социально-экономические взгляды

¹⁴ См.: *Коровицына Н. В.* С Россией и без нее. Восточноевропейский путь развития. М., 2003, с. 273; *Machonin P.* Česká společnost a sociologické poznání. Problémy společenské transformace a modernizace od poloviny šedesátých let 20. století do současnosti. Praha, 2005, s. 139.

¹⁵ *Connor W. D., Gitelman Z. Y.* Public opinion in European socialist systems. New York, 1977, p. 179.

¹⁶ *Situační zprávy ústředního aparátu KSČ* (20, listopadu — 1. prosince 1989). Praha, 1997, s. 105.

¹⁷ *Tuček M. a kol.* Op. cit., s. 156.

¹⁸ *Vlachová K., Matějů P.* Krystalizace politických postojů a politického spectra v České republice. — *Sociologický časopis*, 1998, v. 34, № 2, s. 153.

¹⁹ *Kalinová L.* Konec nadějí a nova očekávání: k dějinám české společnosti 1969–1993. Praha, 2012, s. 364–366.

людей, противоречившие их постреволюционным политическим ориентациям. Наибольшая неконсистентность (несогласованность) массовых воззрений наблюдалась сразу после «бархатной» революции, но год от года ситуация менялась.

По мере завершения реформ и столкновения людей с повседневными проблемами общества либерально-рыночного типа становилось ясно, что левые ценности в чешской среде определенно преобладают. Социологи обнаружили, что многие из тех, кто с восторгом идентифицировался с правыми как доминирующей идеологией, в действительности всегда оставались приверженцами левых ориентаций²⁰. Каждый пятый высокообразованный чех декларировал левые воззрения — вдвое чаще по сравнению с населением Чешской Республики (ЧР) в целом²¹. В то время сформировалось аномальное «левое мышление при правом голосовании» (Я. Вечерник). Высказывается мнение о несоответствии осуществлявшегося в первой половине 1990-х годов в ЧР проекта трансформации «ментальному состоянию чехов»²².

Быстрый рост неудовлетворенности людей достиг кульминации в 1998 г., когда 61% опрошенных, по данным Центра изучения общественного мнения Института социологии АН ЧР (ЦИОМ), относился к трансформации критически и вновь лишь 5% считали ее успешной²³. Разочарование в итогах приватизации было столь велико, что в апреле 1998 г. 70% граждан высказалось за то, чтобы государство вернуло себе неправильно приватизированные предприятия.

Чешский социолог Л. Линек обнаружил, что в течение короткого периода 1997–2000 гг. скачкообразно произошло отчетливое изменение отношения чешских граждан к политике, их политических ожиданий. Он называет этот период временем перехода от наивного демократизма первой половины 1990-х годов к фазе критического и неудовлетворенного демократизма начала XXI столетия, когда возникли сомнения в правильности развития демократической государственности в стране²⁴. Кроме того, в этот период изменилось представление о сущности новой государственности: если сразу после революции особенно высоко ценилась свобода, то теперь установилось соотношение предпочтений «свобода или равенство» на уровне 60%:40%²⁵. В течение последнего десятилетия в чешском обществе с его длительной традицией левого мышления, не связанной с коммунистическим режимом, доля отдающих приоритет свободе перед равенством снижалась, в том числе среди высокообразованных²⁶.

Неприятие западной неолиберальной модели капитализма уже во второй половине 1990-х годов привело чешских интеллектуалов одними из первых в посткоммунистическом регионе к мысли о необходимости принципиальной корректировки стратегии реформ. За либеральные ориентации периода реформ, выражавшиеся в тезисе «каждый должен позаботиться о себе сам», не знавшие этого народа нередко принимали характерное для него отрицание всего чужого, иностранного, усилившуюся в период радикальных перемен национальную замкнутость²⁷.

²⁰ Vlachová K., Matějů P. Op. cit., s. 149.

²¹ Výskum európskych hodnôt 1991–1999–2008: slovenská a česká spoločnosť. Pramenno-analytická publikácia. Bratislava, 2009, s. 124.

²² Kubů E. Obraz české transformace v zrcadle sociologického výzkumu. — Historická sociologie, 2011, № 1, s. 60.

²³ Červenka J. Jsme ze zvyku sociálněekonomickými pesimisty? — Jaká je naše společnost? Otázky, které si často klademe... Praha, 2010, s. 56.

²⁴ Linek L. Zrazení snu? Struktura a dynamika postojů k politickému režimu a jeho institucím a jejich důsledky. Praha, 2010, s. 10.

²⁵ Sedláčková M. Důvěra a demokracie. Praha, 2012, s. 202.

²⁶ Výskum európskych hodnôt 1991–1999–2008..., s. 128.

²⁷ Potůček M. a kol. Průvodce krajinou priorit pro Českou Republiku. Praha, 2002, s. 213.

Семь из десяти скептических чехов негативно относятся к политическим партиям. Большинство их считает, что партии интересуются гражданами только в период выборов, что они коррумпированы, что они, хотя и критикуют друг друга, фактически одинаковые. С одной стороны, 2/5 чехов считают текущую ситуацию (опрос 2014 г.) более предпочтительной по сравнению с периодом социализма. С другой стороны, треть опрошенных не видят значительной разницы между двумя периодами, а 1/5 отдает предпочтение социализму, хотела бы жить в социалистической Чехословакии (1948–1989 гг.). Еще один опрос, проведенный в 2015 г., обнаружил, что четверть чешских студентов вузов в возрасте 15–20 лет, не имевших опыта жизни при режиме до 1989 г., соглашалась, что «жизнь в социалистической Чехословакии была лучше, чем сегодняшняя». В чешском обществе господствует мнение, что для проигравших — людей старшего возраста, малообразованных, с низким уровнем жизни — больше подходит социализм с его экономической определенностью, меньшим стрессом в трудовой деятельности и всегда достаточным количеством денег²⁸. При этом забывалось отсутствие личной свободы и репрессии в отношении диссидентов. Ностальгия по периоду социализма нередко оказывается неудовлетворенностью сегодняшним днем в большей степени, чем симпатиями относительно жизни до 1989 г. Наблюдается несоответствие между верой в демократию как идею и демократической политикой на практике. Важным направлением изменения политической культуры современных чехов является все более скептическое отношение к Европейскому союзу²⁹.

Исследование ценностных ориентаций современных чехов показало крайне низкое предпочтение ценностей универсализма и доброжелательности или ориентации на других, что косвенно свидетельствует о недооценке принципов равенства и всеобщей толерантности. Чехия, как и другие восточноевропейские страны, в отличие от стран Запада и Севера Европы не настолько открыта переменам и сибаритству, но значительно больше ориентирована на успех. После заметного спада консерватизма в 2004 г. в последующем наблюдался его неизменный уровень, превышающий средние для общеевропейских показателей значения. Традиционно существенно более высокие предпочтения консерватизма характерны для католических Польши и Словакии. В чешском обществе ценностная ориентация ради блага остальных и толерантность систематически снижаются в последние 15 лет. В этом отношении Чехия больше всего отклоняется от общеевропейского уровня³⁰. Восточноевропейские женщины отдают предпочтение консервативным ценностям в значительно большей степени, чем женщины западноевропейские. Первые больше ориентированы на других людей и толерантны, чем мужчины. Женщины в Восточной Европе и более консервативны по сравнению с мужчинами. Люди старшего возраста и состоящие в браке тяготеют к консервативным ценностям и ценностям, ориентированным на других.

Любопытно также, что чехи с неполным средним (восьмилетним) образованием ценят ориентации на благо других больше, чем высокообразованные. Менее образованные группы чешского населения и люди с низшим профессиональным статусом (неквалифицированные рабочие, рутинные служащие) в большей степени предпочитают ценности безопасности, конформизма и традиции и, напротив, намного меньше тяготеют к самостоятельности, успеху и власти. Для высокообразованных и людей с высшим профессиональным статусом (специалистов) не свойственно тяготение к ценности универсализма, толерантности или ориентации на других людей, как в странах западной Европы. Наоборот, эти ценности ближе чехам с неполным средним образованием. И это идет вразрез с общеевропейской тенденцией и является

²⁸ Contemporary Czech society, p. 151, 155–156.

²⁹ Ibid., p. 172.

³⁰ Pospíšilová J., Krulichová E. a kol. Jak se žije Čechům v současné Evropě? Praha, 2018.

одним из наибольших отклонений от портрета западноевропейца³¹. В целом Чехия с ценностной точки зрения поныне является частью группы посткоммунистических стран, для которой характерны консерватизм, растущая ориентация на успех и власть, с одной стороны, и снижающаяся ориентация на благо ближних и толерантность — с другой. Материальный достаток для нынешних чехов даже важнее, чем здоровье. В целом свою жизнь в современной Европе чехи оценивают не слишком позитивно³².

Как уже отмечалось, чешский человек с давних времен полагается прежде всего на институт семьи, его традиционную функцию самообеспечения и самодостаточности. Семья служит главным инструментом адаптации и сопротивления по отношению к внешнему миру, является условием существования отдельного человека, не автономного, а неотделимого от нее. Относительно независимая от государства чешская семья является хранилищем и надежным инструментом передачи национальных ценностей от поколения к поколению. В Чехии, представлявшей одну из самых секуляризованных популяций, семья является своего рода формой религии. Исследование, проведенное среди молодых пражских женщин, показало, что большинство их относит себя к неверующим, не принадлежит ни к одному конфессиональному сообществу, но в то же время обладает религиозной верой, которую они называют крайне индивидуалистической и связанной с семьей³³. Традиционная модель семьи и брака здесь остается преобладающей.

Институт семьи как практически единственная альтернатива официозу реального социализма в то время окреп и усилился, став основой «суверенности» индивида по отношению к действительности, при необходимости «убежищем» от нее. Семья была важнейшим источником не только покоя и комфорта, но и накопления творческих сил. Сама власть видела в семье, межпоколенческих отношениях взаимной поддержки и сотрудничества основы социальной солидарности, консолидации общества, которые не могла обеспечить политическими средствами «сверху». Большинство семей достаточно хорошо вписались в реалии общества позднесоветского типа с их во многом патриархальными устоями. Очевидно, что, несмотря на более высокий по сравнению с остальными странами восточного блока цивилизационный уровень на старте социалистических преобразований, в чешском обществе существовали глубинные социокультурные предпосылки вхождения в восточноевропейское пространство, более того, успешного в некоторых отношениях развития в его контексте. Чешское общество преуспело в трансформации «под себя» общественной системы социализма. Официальная жизнь шла своим ходом, а маленький чешский человек и чешская семья с ее устоями — своим, незаметным, но испытанным многовековой историей национального самосохранения путем. Чешский человек, таким образом, разумно использовал исторический шанс, который предоставила ему консервативная, ориентированная преимущественно на сдвиги в материальном «базисе» общества, чем его культурной «надстройке», восточноевропейская модернизация второй половины XX в., для интеграции в современный мир — антибуржуазный, социально ориентированный.

Семейный традиционализм сохранил свои доминирующие позиции в годы и «нормализации», и демократических преобразований. В условиях социально-политической дезориентации переходного периода семью считали «очень важной в своей жизни» 87% опрошенных, тогда как друзей — всего 24%. Доверяли членам своей семьи 83%, тогда как при общении с чужими людьми «соблюдали осторожность» 73%³⁴.

³¹ Ibid., s. 31.

³² Ibid., s. 149.

³³ Heilingrová A., Trnková Z. Formuje se nova generace? — Česká společnost na konci tisíciletí, t. 2. Praha, 1999, s. 64.

³⁴ Kandert J. Rodinné hodnoty v měnicím Československu. — Český lid, 1993, № 1, s. 2—3.

Прагматичные чехи предпочли семейную солидарность новой форме социального экспериментирования — привлечению людей в начале 1990-х годов в малый бизнес. В качестве главной стратегии преодоления трудных времен 90% чехов избрали семейно-оборонительную, подразумевая экономию, сокращение расходов, ограничение потребления. Лишь 5% (как раз столько, как видим, в чешском обществе всегда было сторонников капитализма) выражали стремление создать собственную фирму³⁵. На вопрос «что вызывает в обществе социальное напряжение?» из 16 вариантов ответов на первом месте оказалось «богатство», на втором — «национальность, раса».

Предпринимательская стратегия как форма жизни отвергалась даже молодым поколением Чехии. Оно не могло смириться с моральными издержками, которые предполагало следование ей. Молодое поколение демонстрирует в некоторых отношениях даже гораздо более консервативные взгляды, чем их отцы и матери.

Сокращение числа вступающих в брак отмечалось в годы реформ преимущественно среди малообразованных слоев населения. У них был наибольший прирост безбрачия. В начале 1990-х годов среди чешских женщин моложе 50 лет с основным (восьмилетним) образованием незамужние составляли всего 4%, а в 1999 г. — уже 51%³⁶. Внебрачная рождаемость вызвана в первую очередь экономическим положением данной категории³⁷. Специалисты не устают повторять: «Нет ничего более далекого от действительности, чем представление, что типичная незамужняя мать — успешная, образованная и эмансипированная». Ключевым фактором счастливой жизни остается социальный контакт, который заключен в семейных отношениях³⁸. Западными специалистами не переставала удивлять «живучесть» патриархальных нравов, преобладающих в восточной части Европейского континента, в том числе и в Чехии, их способность принимать различные формы, нисколько не уступая господствующим позициям³⁹.

Значение так называемого семейного капитала после «бархатной» революции в чешском обществе лишь возросло. С ним чехи преодолели эпоху консервативной модернизации, незаметно преобразовав ее в «домашний» социализм. С явлением «семейного авторитаризма», составляющим основу их консервативного исторического опыта, они пережили и трудные времена рыночных реформ.

Чехию всегда отличала от соседних Польши или Венгрии слабость политической оппозиции коммунистическому режиму. В чешском обществе периода «нормализации» и элита, и контрэлита имели относительно небольшую массовую поддержку. Не что иное, как преобладающие в чешском сознании принципы социального и материального равенства, «сельский рассудок» заставляли людей инстинктивно держаться в стороне и от тех, и от других. Диссиденты здесь не имели большого влияния на развитие событий в преддверии революционных перемен, как и в ходе их. Не было длительных переговорных процессов коммунистов-реформаторов и оппозиции, а политический режим рухнул за несколько дней под давлением «улицы» — спонтанного выступления людей в символическом сердце страны на Вацлавской площади Праги. Что явилось одной из причин рождения предрассудков о равнодушных и пассивных чехах, которые ничего не делают, а только пьют пиво, о людях, обманутых обещаниями «бархатной революции»,

³⁵ *Friedlanderová H., Tuček M.* Češi na prahu nového tisícletí. Praha, 2000, s. 181–186.

³⁶ *Katříňák T.* Strukturalní příčiny poklesu sňatečnosti a nárůstu svobodných v devadesátých letech v České republice. — *Sociologický časopis*, 2001, № 2, s. 225.

³⁷ *Chaloupková J., Šalamounová P.* Postoje k manželství, rodičovství a k rolím v rodině v České republice a v Evropě. Praha, 2004, s. 18.

³⁸ *Hamplová D.* Životní spokojenost: rodina, práce a další faktory. Praha, 2004, s. 36.

³⁹ *Lippe Van Der T., Fodor E.* Changes in gender inequality in six Eastern European countries. — *Acta sociologica*, 1998, № 2, p. 146.

молодежи, совсем не интересующейся политикой⁴⁰. Если в первой половине 1990-х годов демократию считало лучшей системой правления не менее 70% чешского общества, то с 1998 г. произошло ослабление поддержки демократии до нынешних 50%. В настоящее время около 20% чехов при определенных условиях готово толерантно относиться к диктатуре или авторитарному режиму. Еще 20% безразличен политический режим⁴¹. Спад поддержки демократии в течение 1990-х годов и особенно после 2004 г. очевиден. С 2004 г. до 2016 г. поддержка недемократических альтернатив постепенно возрастала. В этот период наблюдался спад в поддержке демократического и рост поддержки коммунистического режима. Согласие с возвратом в коммунистический режим выражает приблизительно каждый шестой гражданин. Столько же соглашается с роспуском парламента, запретом выборов и приходом сильного лидера. Спад позитивных оценок демократического режима на 25–30 процентных пунктов с начала 1990-х годов до наших дней эксперты называют драматическим. Легитимность демократического режима в ЧР в долгосрочной перспективе ослабляется. Негативные взгляды — недоверие политическим институтам, низкая политическая удовлетворенность — являются отражением актуального политического и экономического развития, которое расходится с первоначальными оптимистическими ожиданиями. Их сменила политическая апатия и скептицизм. Чешское общество в начале XXI в. характеризовалось особенно критическим отношением к политическим институтам и высокой степенью отчуждения от политики и нежелания в ней участвовать⁴².

Чешский гражданин в общественном мнении — это послушный по отношению к авторитету правового государства, существующему порядку и политически пассивный человек. Вместе с тем как минимум 3/4 граждан стабильно критикуют правительство, партии и политику. Доля критически настроенных чехов стабильна и в последнее десятилетие неизменна. Уровень избирательного и иного — подписание петиций, число демонстраций и т.п. — политического участия в последние 15 лет существенно не менялся и остается на относительно низком уровне. На этом фоне произошел резкий спад избирательного участия малообразованных людей (с неполным средним образованием) с 74% в 1996 г. до 46% в 2013 г. Большинство протестных движений в Чехии (в отличие от Польши и Венгрии) имело неэкономический характер. Младшее поколение, выраставшее и выросшее уже после 1989 г. политикой интересуется так же мало, как и его предшественники. Специалисты не ожидают роста интереса к политике в Чешской Республике и прогнозируют, что формы и уровень политического участия в долгосрочной перспективе будут стагнировать на нынешнем уровне⁴³.

Исторически для чехов характерна неполитическая форма оппозиции «культурного народа без политиков», когда политическую ответственность берут на себя интеллектуалы с их решительным отрицанием насилия, нравственными и гуманистическими устремлениями. Одним из наиболее известных стало движение за «социализм с человеческим лицом». Именно сфера культуры в чешском мире выполняет важную политическую роль. Понятие «неполитической политики» с ее просветительскими акцентами, расчетом на рациональную аргументацию и воспитанием гражданственности — слагаемое чешского демократизма. Представление о писателе как совести народа для чехов свойственно, как и для русских.

Вместе с тем чешское общество, как и польское, венгерское, словацкое — общество среднего класса, или средних слоев. Его особенностью является доминирующее

⁴⁰ Linek L., Císař O., Petrušek I., Vráblíková K. Občanství a politická participace v České republice. Praha, 2017.

⁴¹ Ibid., s. 28–29.

⁴² Linek L. Op. cit.

⁴³ Linek L., Císař O. Op.cit., s. 202–203.

положение так называемой культурной буржуазии — тех, кто живут и обогащаются главным образом за счет своего образования и квалификации, т.е. культурного, а не экономического капитала. Поэтому получило распространение определение нынешнего центральноевропейского, в том числе чешского, общества как «капиталистов без капитализма», одновременно — «демократов без демократии». Что касается либеральной демократии, по сравнению с 1990-ми годами вслед за победой в «холодной войне» все страны Центральной и Восточной Европы в последние 15 лет переживают ее выразительный кризис, упадок, удовлетворенность функционированием демократии, как и доверие парламенту и политическим партиям, снижается⁴⁴. Процесс демократизации и маркетизации получил название «политического капитализма». Управление государством по образцу менеджмента фирмой стало спецификой современной Чехии.

Так рассмотренные черты «чешской цивилизации» предопределяют не только чешский путь развития во все времена, в том числе наши, но и общность восточноевропейского пути в целом.

Библиография

Коровицына Н. В. Самая «бархатная» революция: «чешский человек» на фоне общественных перемен. — Славяноведение, 2000, № 3.

Коровицына Н. В. С Россией и без нее. Восточноевропейский путь развития. М., 2003.

Bayer I., Kabele J. Politische kultur der Tschechischen Republik und ihre transformation. Köln, 1996.

Červenka J. Jsme ze zvyku sociálněekonomickými pesimisty? — Jaká je naše společnost? Otázky, které si často klademe... Praha, 2010, s. 56.

Chaloupková J., Šalamounová P. Postoje k manželství, rodičovství a k rolím v rodině v České republice a v Evropě. Praha, 2004.

Connor W. D., Gitelman Z. Y. Public opinion in European socialist systems. New York, 1977.

Contemporary Czech society. Praha, 2016, s. 124, 317.

Friedlanderová H., Tuček M. Češi na prahu nového tisícletí. Praha, 2000.

Hamplová D. Životní spokojenost: rodina, práce a další faktory. Praha, 2004.

Heilingrová A., Trnková Z. Formuje se nova generace? — Česká společnost na konci tisícletí, t. 2. Praha, 1999.

Historické vědomí obyvatel České republiky perspektivou sociologického výzkumu. Praha, 2014, s. 187.

Holý L. Malý český člověk a velký český národ. Národní identita a postkomunistická transformace společnosti. Praha, 2001.

Kalinová L. Konec nadějí a nova očekávání: k dějinám české společnosti 1969–1993. Praha, 2012.

Kandert J. Rodinné hodnoty v měnicím Československu. — Český lid, 1993, № 1, s. 2–3.

Katráň T. Strukturální příčiny poklesu sňatečnosti a nárůstu svobodných v devadesátých letech v České republice. — Sociologický časopis, 2001, № 2, s. 225.

Kubů E. Obraz české transformace v zrcadle sociologického výzkumu. — Historická sociologie, 2011, № 1, s. 60.

Kunštát D. Za rudou oponou. Komunisté a jejich voliči po roce 1989. Praha, 2013.

Linek L. Zrazený snu? Struktura a dynamika postojů k politickému režimu a jeho institucím a jejich důsledky. Praha, 2010.

Linek L., Císař O., Petrušek I., Vráblíková K. Občanství a politická participace v České republice. Praha, 2017.

Lippe Van Der T., Fodor E. Changes in gender inequality in six Eastern European countries. — Acta sociologica, 1998, № 2, p. 146.

Machonin P. Česká společnost a sociologické poznání. Problémy společenské transformace a modernizace od poloviny šedesátých let 20. století do současnosti. Praha, 2005.

Medvec S. E. Poland and Czechoslovakia. — The Polish review, 1991, № 4.

Nedomová A., Kostecký T. Národní identita. Praha, 1996.

Pospíšilová J., Krulichová E. a kol. Jak se žije Čechům v současné Evropě? Praha, 2018.

Potůček M. a kol. Průvodce krajinou priorit pro Českou republiku. Praha, 2002.

⁴⁴ *Pospíšilová J., Krulichová E. a kol.* Op. cit., s. 89.

Situační zprávy ústředního aparátu KSČ (20. listopadu – 1. prosince 1989). Praha, 1997, s. 105.

Stulík D. Public perception of European integration in Poland and the Czech Republic: a comparative analysis. – Post-communist transformations. A new generation of perspectives. Warszawa, 1998, p. 163–164.

Tuček M. a kol. Dynamika české společnosti a osudy lidí na přelomy tisíciletí. Praha, 2003.

Vize rozvoje České Republiky do roku 2015. Praha, 2001, s. 122–123.

Vlachová K., Matějů P. Krystalizace politických postojů a politického spectra v České republice. – Sociologický časopis, 1998, v. 34, № 2, s. 153.

Výskum európskych hodnôt 1991–1999–2008: slovenská a česká spoločnosť. Pramenno-analytická publikácia. Bratislava, 2009, s. 124.

References

Bayer I., Kabele J. Politische kultur der Tschechischen Republik und ihre transformation. Köln, 1996.

Červenka J. Jsme ze zvyku sociálněekonomickými pesimisty? – Jaká je naše společnost? Otázky, které si často klademe... Praha, 2010, s. 56.

Chaloupková J., Šalamounová P. Postoje k manželství, rodičovství a k rolím v rodině v České republice a v Evropě. Praha, 2004.

Connor W. D., Gitelman Z. Y. Public opinion in European socialist systems. New York, 1977.

Contemporary Czech society. Praha, 2016, s. 124, 317.

Friedlanderová H., Tuček M. Češi na prahu nového tisícletí. Praha, 2000.

Hamplová D. Životní spokojenost: rodina, práce a další faktory. Praha, 2004.

Heilingarová A., Trnková Z. Formuje se nova generace? – Česká společnost na konci tisícletí, t. 2. Praha, 1999.

Historické vědomí obyvatel České republiky perspektivou sociologického výzkumu. Praha, 2014, s. 187.

Holý L. Malý český člověk a velký český národ. Národní identita a postkomunistická transformace společnosti. Praha, 2001.

Kalinová L. Konec nadějí a nova očekávání: k dějinám české společnosti 1969–1993. Praha, 2012.

Kandert J. Rodinné hodnoty v měnícím Československu. – Český lid, 1993, № 1, s. 2–3.

Katrák T. Strukturální příčiny poklesu sňatečnosti a nárůstu svobodných v devadesátých letech v České republice. – Sociologický časopis, 2001, № 2, s. 225.

Korovistyna N. V. S Rossije I bez nejo. Vostochnoevropskij put razvitija. Moskva, 2003.

Korovitsyna N. V. Samaja “barkhatnaja” revolucija: cheshskij chelovek na fone obshchestvennyh peremen. – Slavjanovedenije, 2000, № 3.

Kubů E. Obraz české transformace v zrcadle sociologického výzkumu. – Historická sociologie, 2011, № 1, s. 60.

Kunštát D. Za rudou oponou. Komunisté a jejich voliči po roce 1989. Praha, 2013.

Linek L. Zrození snu? Struktura a dynamika postojů k politickému režimu a jeho institucím a jejich důsledky. Praha, 2010.

Linek L., Císař O., Petrůšek I., Vráblíková K. Občanství a politická participace v České republice. Praha, 2017.

Lippe Van Der T., Fodor E. Changes in gender inequality in six Eastern European countries. – Acta sociologica, 1998, № 2, p. 146.

Machonin P. Česká společnost a sociologické poznání. Problémy společenské transformace a modernizace od poloviny šedesátých let 20. století do současnosti. Praha, 2005.

Medvec S. E. Poland and Czechoslovakia. – The Polish review, 1991, № 4.

Nedomová A., Kostecký T. Národní identita. Praha, 1996.

Pospíšilová J., Krulichová E. a kol. Jak se žije Čechům v současné Evropě? Praha, 2018.

Potůček M. a kol. Průvodce krajinou priorit pro Českou Republiku. Praha, 2002.

Situační zprávy ústředního aparátu KSČ (20. listopadu – 1. prosince 1989). Praha, 1997, s. 105.

Stulík D. Public perception of European integration in Poland and the Czech Republic: a comparative analysis. – Post-communist transformations. A new generation of perspectives. Warszawa, 1998, p. 163–164.

Tuček M. a kol. Dynamika české společnosti a osudy lidí na přelomy tisícletí. Praha, 2003.

Vize rozvoje České Republiky do roku 2015. Praha, 2001, s. 122–123.

Vlachová K., Matějů P. Krystalizace politických postojů a politického spectra v České republice. – Sociologický časopis, 1998, v. 34, № 2, s. 153.

Výskum európskych hodnôt 1991–1999–2008: slovenská a česká spoločnosť. Pramenno-analytická publikácia. Bratislava, 2009, s. 124.